

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У79

Устенко, Стас.

У79 Демонстрация силы / Стас Устенко. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110534-1

2020 год. Майкл Холмогоров оказывается втянутым в договор противостояния двух тайных организаций, пытающихся управлять миром. Первая из них, «Щит», — драйвер прогресса. Вторая, «Братство», напротив, всячески тормозит развитие человеческого общества. Исколесив полмира, узнав тайну создания жизни на Земле, Майкл встает перед сложным выбором: оба этих процесса приведут к апокалипсису. И только Холмогоров под силу это остановить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110534-1

© Устенко С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Посвящается Якову

Лучше бы некоторые вещи не менялись.
Хорошо, если б их можно было поставить
в застекленную витрину и не трогать.

Джером Д. Сэлинджер
«Над пропастью во ржи»

Все описанные в книге события и персонажи вымышлены. Анализ исторических параллелей и личностей, а также их действий является лишь фантазией. Реальные исторические персонажи не имеют ничего общего с их однофамильцами из книги. Любые совпадения случайны.

Часть I
ЗОЛОТОЙ ЩИТ

ЗА ВСЕ ХОРОШЕЕ

(1982)

Серо-синее марево в то утро было особенно плотным. Танки шли одной сплошной колонной: дистанция между ревущими машинами не превышала метра, скорость была достаточно низкой, чтобы колонна выглядела неразрывной лентой. Мы оказались в первых рядах, толпа гудела, напирала, зудела словно улей. Наскоро выставленное ограждение колыхалось волнами. Я обратил внимание на особенно низко гудящий гусеничный механизм, с коротким пушечным стволом, обвешанный черными коробками. Он вдруг ускорился, внеся хаос в общее течение событий, которые завертелись калейдоскопом. Вот рамки забора падают, вот несколько человек кубарем вылетают на мостовую, вот танк пытается затормозить и отвернуть. Но поздно: такой маневр приводит к еще большему ущербу. Задев по касательной ограждение, боевая машина опрокинула его, толпа начала двигаться, по-

бежала, на проезжей части оказались уже пара десятков человек.

Раздался неприятный хлюпающий звук, но криков пока не было. В то время я был уже на земле, мама закрыла меня своим телом и каким-то чудом спасла — когда вокруг раздались истерические вопли, когда зазвучали выстрелы, большая часть толпы отхлынула, и мы оказались на свободе. Далее помню лишь «покадровый эффект». Вот мама жестко говорит «не смотри» и тащит куда-то, но какая-то сила все равно заставляет меня перевести взгляд на дорогу. К своему удивлению, ничего такого жуткого я там не вижу. Две стоящие поперек проезжей части машины поддержки пехоты да три тела, лежащие на асфальте. И несколько странных пятен, перемешанных с каким-то тряпьем. Коричневых пятен. Это меня вдруг успокоило. Я подумал, что если бы все было плохо, то кровь была бы повсюду. Тут мы с мамой покинули площадь, обошли высокое здание и проникли во двор обычной пятиэтажки.

На детской площадке покачивались облупленные качели. Почему-то вокруг не было ни души. Опять прозвучали выстрелы. Мы вошли в подъезд, и мама начала звонить во все двери. На первом этаже никто не отозвался, а на втором сразу же распахнулась дверь под номером «23». На пороге стоял худой смуглый мужик в растянутой

майке, отглаженных синих брюках и красивых кожаных туфлях. Похоже, он куда-то собирался, но наше появление нарушило его планы.

— Вам чего?

— Простите, на улице, на демонстрации давка. По-моему, есть жертвы, — выпалила мама. — Может, разрешите подождать, пока все уляжется?

За окном пронеслось эхо стрельбы.

— А-а... — Мужик ослабился, и стали видны золотые зубы. — Конечно, милости прошу.

Мы вошли в довольно странную малогабаритную квартиру. В нос сразу ударил резкий запах, словно мы очутились в зверинце. Так и было: даже коридор был уставлен клетками с живностью. Тут были и морские свинки, и кролики, и черепахи, и даже пара куриц. Отдельно стоял вольтер с петухом, поодаль, в глубине, коробки со щенками. Они не таякали. Я разулся и подошел ближе. Пекинес задумчиво уставился на меня. Все это было похоже на сон. Пекинес покачивался на трех ногах. Передняя левая не была поджата — ее просто не было. Переведя взгляд на крупную средиземноморскую черепаху, я вздрогнул: у нее тоже отсутствовали передние лапы, из панциря высовывались только культи.

— Чаю? — спросил хозяин квартиры. — Меня Андреем зовут, а вас?

— Майкл, обожди тут, — обратилась мать ко мне.

Видно было, что она тоже занервничала.

— Зачем же? Вот, пожалуйста, спальня, пусть мальчик там побудет, а мы и потолковать можем. В кои-то веки такая красивая дама в гости зайдет...

Андрей явно кокетничал.

Я послушно вошел в дверь, на которую мне указал хозяин квартиры, — в комнате ничего примечательного не было. Небольшой письменный стол да разложенная тахта. Пестрый ковер на стене как-то скрашивал серость обстановки.

— Садись, — велел мне Андрей, отодвинув стул. — Вот карандаши, бумага. Рисуй. А я пойду чай заварю. Так что случилось на улице, прекрасная леди?

Они удалились, я пытался понять, зачем мы забрались в это неприятное жилище — когда можно было постараться дойти до метро. Делать было нечего, калякать не хотелось. Подойдя к окну, я окинул взглядом двор, тут на кухне послышалась пара глухих ударов, потом сильный грохот. В комнату вбежала мать. Ее одежда была забрызгана чем-то красным. Правой рукой она сжимала левую руку — вернее, то, что от нее осталось. Кисти не было, вместо нее из предплечья торчало несколько желтоватых осколков и лоскутов. Между ними выбивались алые струйки крови. Мне стало холодно.

— Майкл, ты сейчас прыгнешь в окно, — твердо сказала мама. — Быстро на подоконник.

Следом влетел Андрей. В его руках был большой разделочный нож, заляпанный кровью.

— Куда ты, дорогая? — спросил он. — Я же по кусочкам, экономно!

Мать здоровой рукой ухватила меня за шиворот и втолкнула на подоконник. Обернулась. Я увидел, что она оглядывает комнату, словно что-то ищет, но не находит. Маньяк подходил все ближе, зубы его лязгали.

— Соберись! — крикнула мать, и я получил здоровенный тычок, пробил головой стекло и вылетел во двор. Ветки кустарника замелькали перед глазами. Стало темно. Очень темно. Я словно тонул в черном мазуте, причем он был и передо мной, и по бокам, и сзади. Отчаянно барахтаюсь, я очутился на черной поверхности, которую вдруг прорезала ослепительная трещина. А поодаль, достаточно далеко от нее, бродили странные, покрытые туманом фигуры.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

(2020)

— Показуха. Везде показуха. Вот сейчас воскресенье, двенадцать дня. А мы в пробке стоим из-за какого-то забега в центре города... Вот нельзя было им в Подмоскowie побегать, а? Или там, в Бутово хотя бы? Нет, мы рядом с Красной площадью их пустим — а народ пусть стоит,

выхлопные газы глотает. Я так думаю, надо закон принять, чтобы каждому жителю города в случае простоя в пробке более чем на час в день правительство города стоимость бензина компенсировало! — Водитель захохотал. — Вот это будет номер! Сразу и движение наладится, и ГИБДД работает как надо, а?

Его сероватое лицо с трехдневной щетиной и очень живые глаза мне что-то напоминали. Неужели я уже саделся в эту машину? И не запомнил? Мир тесен, как говорится.

— Слушай, шикарная у тебя одежда. Ты, часом, не из этой, дизайнерской индустрии?

— Нет.

— Ну нет так нет. Ты меня прости, можно еще один вопрос?

— А? Да, конечно... — Больше всего я не люблю разговоры с водителями, но куда деваться. Теперь приходится выслушивать тирады этого ребенка «далеко за сорок», плотненького такого, с идеальным овалом черепа и короткими руками, одетого в традиционный разгрузочный жилет и клетчатую рубашку.

— Финал «Ассы» Соловьева помнишь?.. Ну, там, где Цой приходит на работу устраиваться, а тетенька ему читает список необходимых документов? Помнишь?

— Помню. Шикарная сцена. Там еще... — подхватил я и удивился: никогда бы не подумал, что

этот шоферюга является ценителем авангардного кино.

— Да! — перебил он меня. — Он начинает петь в ресторане, а потом камера разворачивается, и мы видим стадион. Целый стадион, который ждет перемен! У меня, блин, шерсть на загривке дыбом встает каждый раз, как я это вспоминаю. И ведь были перемены. Злые были девяностые годы, ох и злые, но дышать в них было можно. Полной грудью. Ветер перемен был.

— Scorpions «Wind Of Change» играл после свержения путча тыща девятьсот девяносто первого года, кстати.

— Да ты что? Реально? Я и забыл. Ну так вот, были перемены-то. Были. А сейчас... Снова какое-то болото. Кисель вокруг, в котором все застывает. Словно брежневская эпоха на дворе, опять все вернулось на круги своя. И кризис этот еще. Так ведь?

Тут светофор наконец загорелся зеленым, и мы медленно поползли вперед, а через сто метров попали на свободный съезд к набережной.

— Прекрасно! Теперь я тебя в пять минут доставлю. — Водила удовлетворенно поежился.

И действительно, до Арбата мы доехали быстро, мой агрессивный извозчик затормозил около дома, я вышел из машины. Но одновременно с хлопком закрываемой двери раздался еще один — и слева прямо над моим плечом по